

полковники. Вот по доносу этого Дронова и состоялась моя отставка. Узнал я далее, что для производства следствия над мной назначен жан-дармский генерал Паструляин, выезжающий в ст. Вешенскую, куда и мне рекомендовалось отправиться. Результат этого следствия известен. Получился форменный скандал для инициаторов этой позорной, несвоевременной и безусловно вредной для дела затеи. Все предьявленные мне обвинения оказались ложными. Атаман Краснов, несмотря на крючкотворное заключение по этому делу злопамятного и мстительного ген. Денисова, на докладе ген. Паструляина (все это дело впоследствии поступило в мое распоряжение) положил такую резолюцию: «Полковника Дронова, способного на низкую клевету и подлый, ложный донос, немедленно по телеграфу удалить с должности Окружного Атамана Верхне-Донского округа, а дело прекратить». Интересная подробность. Выяснилось, что означенный донос «исправлялся» и окончательно редактировался в Новочеркасске, в штабе Донской Армии, причем Дронову в составлении доноса помогал тогдашний Каргинский станичный атаман, сотник Ф. Д. Лиховидов (авантюрист с «мировым именем»), после доноса произведенный в под'есаулы.

И вот, когда в Каргинскую, как я упомянул выше, прибыл с представителями союзников Атаман Краснов, — все еще неуспокоившийся после провала первого доноса под'есаул Лиховидов в своей речи за парадным обедом доложил Атаману, что «развалила верхне-донцов агитация ген. Алферова». Новое следствие и новый провал, даже конфуз для верхов Донского командования, так как выяснилось, что не ген. Алферов, все то время после отставки находившийся за 700-800 верст от фронта, а бездействие этих верхов на почве их упрямства, излишней подозрительности, чрезмерной веры в собственную непогрешимость и нежелания внять голосу подчиненных, в свое время предупреждавших о возможности такого несчастья на фронте именно верхне-донских частей (мой рапорт с приложением 13 документов, собранных для меня моим тогдашним начальником штаба, ген. Г. А. Рытиковым, ныне пребывающим в Югославии) было тому причиной. Прозевали и опоздали в свое время устранить главные причины, вызвавшие это несчастье и обезбечившие успех большевической пропаганды, а затем не себя, а других стали винить во «вредительстве».

Сам П. Н. Краснов (вспоминаю его со мной разговор за ужином в вагоне-столовой атаманского поезда, когда мы возвращались из поездки на Воронежский фронт с английскими и французскими офицерами) отлично разбирался во всем этом и притом во благовремени, но он слишком верил ген. Денисову, ставшему почти диктатором на Дону, занимавшемуся чем угодно, только не командованием армией, и не сумел или не захотел положить предел пагубной деятельности генерала.

Что касается красивых слов Н. Сазонкина о восстании хоперцев и образовании Круга Спа-

сения Хопра, полагал бы, что ему из чувства благодарности к нам, верхне-донцам, не мешало бы и тут сказать всю правду. Как известно, хоперцы долго не восставали. Тщетно через своих эмиссаров я старался поднять хоперцев. То, что легко достигалось мною в других округах, не имело успеха у хоперцев. Тогда я образовал сильный верхне-донской отряд, под командой И. З. Гаврилова (впоследствии генерал, недавно умерший в Болгарии) и послал его на Хопер. Гаврилову пришлось не только воевать с большевиками, но также не раз и во многих местах силою заставлять нерешительных и не в меру осторожных хоперцев присоединяться к нам. И только тогда, когда Гаврилов с верхне-донцами и немногими хоперцами прошел добрую половину Хоперского округа, хоперцы уже сами стали восставать, не ожидая подхода отряда Гаврилова.

В конце своего письма, которое, помимо газеты «Россия», напечатано в белградском «Царском Вестнике» (№ 601 от 17 апреля), Н. Сазонкин подчеркивает: «Атаманом бывает тот, кто выбирает большинство, и никто другой. Так было, так будет». Совершенно верно. Руководясь именно этими соображениями, президиум Круга и организует ныне новые выборы Атамана, после окончания 3-летнего срока атаманства М.Н. Граббе, законного срока, на который все мы, в том числе и Сазонкин, три года тому назад и выбирали нынешнего Атамана.

Заранее благодаря за напечатание этого моего письма в Вашей уважаемой газете, прошу принять уверение в совершенном моем почтении и готовности к услугам.

З. А. Алферов,

28 апреля 1938 г. Белград.



От Редакции: Ген. З. А. Алферов, послав свой ответ в газеты «Россия» и «Царский Вестник», прислал его и нам с просьбой напечатать в нашем журнале. Охотно предоставляя место письму ген. Алферова, мы считаем необходимым и с своей стороны посвятить несколько слов «обращению» г. Сазонкина.

Юношеская развязность, полное игнорирование недавних исторических фактов и демагогия — вот чем отличается это «обращение» г. Сазонкина. О таких господах сказано: слышал звон, да не знает, где он. По адресу председателя Дон. Круга Харламова он говорит: «Вы возглавили группу в 6 казаков, б. в свое время членами нашего В. Круга и его президиума... берегите на себя обязанности, Вам не принадлежащие, нарушаете право Войскового Атамана, стремитесь посеять раздор и смуту среди казаков... и т. д.

Что это — простая глупость или сознательная демагогия?

В. А. Харламов, не как «глава группы в 6 казаков», а в качестве еще не смещенного выборного Председателя Верховного Хозяина Дона — Войскового Круга пытается выполнить свою прямую обязанность, возложенную на него нашими

Донскими Основными Законами, в которых выражены все заветы, традиции и обычаи Донского Казачества. Никакого «права Войскового Атамана» он не нарушает, а лишь пытается защитить законы и права донских казаков — свободными, вольными своими голосами выбирать себе Атамана. Ибо право руководить выборами Атамана, согласно Донских Законов, принадлежит не Атаману, а Кругу, его президиуму. «Раздор и смуту» сеет не тот, кто защищает законы, а тот, кто их нарушает.

Повинуясь желанию определенной группы казаков, гр. Граббе вот уже в течение шести месяцев «сеет смуту и раздор» среди казаков, рассеянных по всему свету, то приказом требуя, то письмами выключившая у казаков постановления о ненужности перевыборов Атамана. И за полгода он, таким образом, собрал приговоры казачьих организаций, в которых, по авторитетному утверждению ген. Краснова, насчитываются «до 1.700 казаков». А Сазонкин отлично знает «как фабрикуются эти письма и какая им цена».

Но если даже допустить, что Атаману и его агентам в течение полугода усиленной пропаганды, удалось собрать подписи 1.700 подлинных казаков, то какой это жалкий результат? Да, прав Сазонкин: «Атаманом бывает тот, кого выбирает большинство, и никто другой. Так было, так будет». «Умную речь и слушать приятно», — скажем мы от себя.

Но позвольте, в эмиграции пребывает до 20-ти тысяч донцов. На усиленную шестимесячную просьбу гр. Граббе оставить его Атаманом, откликнулось, если верить его утверждению, только «до 1.700 казаков». Так по какой это арифметике из 20-ти тысяч 1.700 составляет большинство? Чем прикажете считать те 18 тысяч донских казаков, которые, если не кричат о производстве перевыборов, то явно пренебрегли приказом Донского Атамана и не откликнулись на его просьбу? Преступниками?

— «Кто порочит Атамана, кто не повинуется ему, тот не казак», — декретирует г. Сазонкин. Значит, по Сазонкину, те 18 тысяч казаков, которые не повиновались гр. Граббе, не исполнили его приказ о присылке приговоров об оставлении его на новый срок, уже не казаки. Пожалуй, в следующий раз мы от него услышим, что во всей эмиграции осталось только 1.700 донцов с атаманом Граббе, а все остальные перестали быть казаками, в отношении которых он начнет выполнять «наш закон: в куль да в воду».

Но «не так страшен чорт, как его малюют». Сазонкины могут сколько угодно бесноваться, но казачье дело будет делаться и проводиться в тех исторических линиях, продиктованных политическими, экономическими и демографическими факторами, которых никаким беснованием нельзя нарушить. Эти непреходимые «линии» были учтены казаками еще тогда, когда составлялись Основные Законы ВВД и именно по этим линиям происходят все последующие мировые политико-

экономические события, все больше и больше приближались к своей развязке.

Да, и «мы верим — близок рассвет». Но чтобы этот «рассвет» превратился в ясный дневной свет, несущий Казачеству свободу и освобождение, требуется максимальная организация казачьих сил и чтобы этими организованными силами руководило наидостоиншее и авторитетнейшее лицо. А таким авторитетным лицом не может быть гр. Граббе, за которого стоит только одна десятая часть казаков! Достоинным и авторитетным будет тот, за кого свободно и тайно высказается действительное большинство казаков! Все те, кто высказывается против такого вывешивания подлинной воли казаков, как раз и занимаются сеянием смуты и раздора среди казаков, ослабляют их силу и мощь. «Зачем, для чего и на радость кому Вы делаете это?»

Мы это знаем. Делается это в интересах кучки казачьих реакционеров, проводится эта «акция» «янычарами» ген. Абрамова. Ни для кого не тайна, что гр. Граббе закрылся в проволочном заграждении Абрамового родни: в Болгарии Ф. Ф. Абрамов, в Америке П. Ф. Абрамов, в Шанхае — ген. В. М. Поляков, в Париже ген. Зубов, в Праге — В. С. Маракуев, в Белграде Кутырин. Большинство из них — платные чиновники ген. Абрамова, которые из кожи лезут, чтобы протасовать идею: просить Граббе «остаться».

В основу всей этой «акции» положен приговор «Пражской Донской Станицы», вынесенный еще в прошлом году и широко распространенный по всему свету. Точный текст этого «пражского приговора» мы встречаем буквально во всех приговорах о просьбе «остаться».

Но Пражская станица это скорее фикция. Когда 13 марта в Праге состоялось большое публичное собрание донцов и приняло единогласно постановление о необходимости производства выборов, то вся «пражская станица», в количестве пяти казаков, вынуждена была уйти из этого собрания. И эта пятичленная «станция» преподносится публике, как наилучшая выразительница казачьего настроения, как «большинство»!

А на какие деньги вся эта нечестная антивыборная кампания ведется «граббевцами» можно догадаться: очевидно, на деньги, отпускаемые ген. Абрамовым. Откуда у него деньги? На это довольно ясный ответ дает нам русский военный журнал «Часовня».

После исчезновения ген. Миллера, ген. Абрамов — «обратился с просьбой к одному из самых авторитетных генералов, А. А. Гулевичу с просьбой принять Русский Обще Воинский Союз. Ген. Гулевич после переговоров с рядом видных военных начальников, телеграфно изъясил свое согласие. А в частном разговоре с ген. лейт. Кусонским сказал, что он предполагает, по вступлении в должность... назначить приемную комиссию по проверке средств РОВСа, что сделал бы каждый начальник, принимая во внимание, что РОВС, имея в начале 1930 года, семь с половиной миллионов франков, к этому момен-

ту располагал двумя или тремя десятками тысяч... После этого заявления ген. Гулевича, ген. Абрамов, заверявший его в полной поддержке всеми начальниками РОВС'а, перестал вообще писать ген. Гулевичу и этим поставил его в бесконечно сложное положение...

Разумеется внутренние дела РОВС'а нас ни в какой мере не интересуют. Для нас важно то, что ген. Абрамов, в качестве первого помощника председателя РОВС'а, принимал живое участие в уничтожении семи миллионов франков, а злые языки говорят, что эти благодетели написали себе жалованье за 30 лет вперед. Разумеется, не обижены были и родственники ген.

Абрамова, которые ныне, по команде своего старшего в роде, в тисках которого находится гр. Граббе, так рьяно ведут кампанию против выборов Донского Атамана.

Вот на радость кого вся эта противоборборная кампания ведется, внося разлад и смуту среди казаков.

«Если Вы председатель Круга, то я — председатель Круга Спасения Хоперского округа (точнее — совещания представителей трех станиц. Ред.). Вы сами знаете, что мои полномочия больше», — филярствует Сазонкин.

Мы скажем: жалок тот, кто не понимает смехотворности своего положения!

Шамба Баинов.

Д. ШАВЕЛЬКИНА. (Чехословакия).

О разговорах о моей заметке

ИТАЛА я писания г. Лысенкова по поводу моей заметки в № 4—5 «Каз. Голоса», и было мне забавно, как могут люди неправильно истолковать чужую мысль и даже заметку мою приписать другому человеку. Статья моя подписана — «Д. Шавелькина», а приписали ее — «Б. Ш—ну», да и самого последнего обуял страх от своей фамилии в самостийном журнале. Разница имени ни — ничего.

К сведению всех, разговаривающих по поводу моей заметки, сообщаю: писала эту статью — я, дочь Б. Ш. — Дорджима. Мой же отец тут не причем. Он — граббевец, монархист. Усекла же я женское окончание фамилии, чтобы некоторые, обывательски думающие люди не говорили: «Да чиво там баба лезет в вопросы!»

Азиатскими событиями я интересуюсь так же, как и другими событиями в мире, — испанскими, эфиопскими, австрийскими, советскими и в такой же мере, как и другие читающие и мыслящие люди. Если события в Азии занимают меня несколько больше, то это оттого, что эти события непосредственно касаются судьбы четверти миллиона калмыков, живущих в Западном Китае. Быть безразличным к их судьбам ни один калмык не может. Мы не хуже американских негров, которые очень живо реагировали на события в Эфиопии.

Но мой интерес ничуть не касался политической будущности калмыков, живущих в СССР. В своей злополучной заметке я же специально оговорила, что «наша судьба пошла иными путями», нежели судьба народов в Азии. Кажется, ясно сказано!? Если там сказано, что улучшение положения народов в Азии положительно отразится и в нашей жизни, то это речь только о моральной, духовной стороне. Нужно слишком просто мыслить, чтобы рассуждать, как это было на «майдане шофферов в Париже», что мы, калмыки, будто, надеемся на поход из-за нас японцев в Европу. Никто на это не надеется.

Не менее забавно и то, как наши казаки приписали себя к белым державам, эксплуатирующим Азию. Признаться, я об этом и не подума-

ла. Для меня ясно, что Казачество еще не белая держава и еще не империалисты. До закабаления ими Азии еще далеко.

Что касается о «добровольности» предоставления китайцами своих земель под концессию белым державам, то об этом лучше не говорить. Всякий культурный человек должен знать, как они появились. Карательную войну четырех держав 1900 года в Китае, когда английские, французские и русские солдаты разграбили Пекин, не исключая и ценностей дворца и музеев, тоже может, почитать «цивилизаторской» миссией, а договор, продиктованный ими в результате этой войны — «добровольным»?..

Вообще, я замечая, что наши казаки через чур ревниво следят за мыслями своих калмыков. Подумаешь — нашли изменников! Это некрасиво, а главное — обидно. Чтение между строк и в душах нужно оставить. Еще недавно, в самые опасные годы, когда казаки боролись с красными, мы, калмыки, были Казачеству гораздо более верными, нежели сами казаки. Как скоро факты забываются! Мы, женщины, говорим — «ревнует, значит — любит». Верно ли это в политике, я не знаю. Одно вижу, что напрасная ревность и в политике не хуже ревности житейской. Наши казаки скоро, кажется, запретят нам мыслить. Это построже императорской власти выходит. И при Николае II мы ездили в Тибет и Монголию, держали духовную связь, приезжали оттуда и к нам, и никто нас не обвинял в намерениях изменить. А тут — в Азии происходят интереснейшие события, которые привлекают внимание всего культурного человечества, а калмык не смей ими интересоваться! На что это похоже, казаки?.. Я написала свою заметку, чтобы показать людям, — как могут смотреть на роль Японии в Азии сами азиатские народы. А то в Европе слишком много говорят о «закабалении Японией Азии». Для народов Азии это не закабаление, а организация их сил и государственной жизни.

Дорджима Шавелькина.